

ОХОТНИКИ
СОБИРАТЕЛИ
РЫБОЛОВЫ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Э Т Н О Г Р А Ф И И И М . Н . Н . М И К Л У Х О - М А К Л Я Я

ОХОТНИКИ СОБИРАТЕЛИ РЫБОЛОВЫ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ДОЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1972

История первобытного общества и этнография

(К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии)

Сегодня, оценивая исторический опыт этнографии после К. Маркса и Ф. Энгельса, хотелось бы еще раз задать вопрос, чем была этнография для них, что искали они в науке, делающей тогда свои первые шаги. Данные этнографии были для них историческим источником, из которого они черпали сведения о происхождении и развитии социальных институтов, но историческим в широком понимании: они искали в них не индивидуальное, свойственное лишь конкретному обществу и конкретному историческому моменту, а типическое, отражающее общен исторические закономерности, свойственные определенным стадиям общественного развития.

Соотнося факты этнографии не по историко-хронологическим, а по историко-типологическим признакам, передовые ученые прошлого века заложили основы историко-типологического, или сравнительно-исторического, метода реконструкции прошлого по данным этнографии. Для ученого, отрицающего значение этого метода, этнографические явления, свойственные тому или иному народу, представляются лишь индивидуальными его свойствами. Для такого исследователя этнографические особенности австралийских аборигенов, кочевников Южной Индии или полярных эскимосов остаются лишь индивидуальными свойствами этих народов. Для сторонника историко-типологического метода они характеризуют в своей совокупности человеческое общество на определенной ступени его развития. Широкий стадиально-исторический подход, свойственный К. Марксу и Ф. Энгельсу, позволяющий выявить общие закономерности социального развития, иными словами — историзм в подлинном его понимании, ученый, отрицающий значение историко-типологического метода, подменяет узким хронологическим историзмом. Как правило, такой подход является по существу европоцентристским, потому что для историка, отрицающего значение историко-типологического метода, рубежи социальных формаций обычно совпадают с этапами развития европейских народов. Он не замечает, что и в наше время еще существуют народы, живущие в условиях феодализма или даже первобытнообщинного строя. Для исследователя, руководствующегося историко-типологическим методом, данные этно-

графин являются тем строительным материалом, в котором ищется типическое для реконструкции определенных стадий общественного развития независимо от времени или места существования данного конкретного общества. Это позволяет ему сравнивать и соотносить различные этносы в качестве представителей одного и того же исторического типа; например, отнести к одному и тому же историческому типу первобытных охотников и собирателей аборигенов Австралии, кадаров Южной Индии и полярных эскимосов, так как, несмотря на то что эти народы живут в различной природно-географической среде и в разных социально-исторических условиях, в их социально-экономических отношениях очень много сходного.

Говоря о сходстве в социально-экономических отношениях, сравнивая эти народы, мы имеем в виду их хозяйственный уклад, формы собственности, разделение труда, характер общин как основных экономических ячеек общества, их состав, соотношение между общинами и составляющими их семьями, зависимость численности общины от экологических условий или шире — закономерное соотношение между сезонным циклом в природе, сезонными миграциями и численностью общины и т. п. Все это — основные, ведущие показатели, характеризующие социально-экономический базис соответствующих обществ, а не случайные, произвольно выхваченные или надстроечные явления. Следовательно, когда мы говорим о том, что эти народы относятся к одному историческому типу, то имеем в виду, что они представляют человеческое общество на определенной ступени социально-экономического развития, или определенный этап в развитии архаической общественной формации. А это позволяет в свою очередь выявить некоторые общие закономерности социально-исторического процесса и на данной основе реконструировать далекое прошлое народов, уже миновавших этот этап общественного развития, поскольку мы полагаем, что оно подчинялось тем же закономерностям.

Все это, казалось бы, очевидно. К сожалению, в этнографии и истории первобытного общества еще не утвердился охарактеризованный выше метод, как это уже произошло в некоторых других общественных науках. Вместо исследований, основанных на сравнительном изучении народов, находящихся на одинаковом уровне общественного развития, вместо выявления общих для них особенностей, делающих их представителями одного и того же исторического типа, вместо раскрытия на этой основе общих, единых закономерностей социально-исторического процесса в истории первобытного общества получил распространение умозрительный способ реконструкции первобытности, опирающийся главным образом на гипотезы и умозаключения. И можно смело утверждать, что пока новый метод не утвердится в науке о первобытности, изучение архаической общественной формации — один из важнейших разделов исторической науки, имеющий ог-

ромное мировоззренческое и методологическое значение, — не сможет успешно развиваться.

Вот почему проблема реконструкции древнейшего и наиболее продолжительного периода человеческой истории — периода общества первобытнообщинного строя — принадлежит к числу актуальнейших и по существу все еще неразработанных нашей наукой теоретических и методологических проблем.

Итак, изучение обществ, все еще живущих в условиях первобытности, имеет двойное значение: во-первых, мы исследуем общие закономерности соответствующей формации, во-вторых, исходя из познанных нами закономерностей, опираясь на этнографические и археологические источники, пытаемся восстановить в основных чертах древнейшее прошлое человечества. Таким образом, проблема использования этнографии для реконструкции истории первобытного общества теснейшим образом связана с учением об общественных формациях, с пониманием общества как системы или структуры, элементы которой (например, производительные силы и производственные отношения) объединены закономерными причинными и функциональными связями.

Изучение древнейшего прошлого человечества, всегда волновавшее человеческие умы, уже с XVIII—XIX вв. в значительной мере опиралось на эмпирические обобщения, материал для которых давали этнография и археология. Можно утверждать, что цепность этих обобщений до известной степени определялась уровнем развития двух названных наук, в своей совокупности служащих базой для реконструкции истории первобытного общества (разумеется, лишь до известной степени, так как уровень развития конкретной науки, каким бы высоким он ни был, сам по себе еще не обеспечивает адекватного отражения исторического процесса — очень многое зависит и от уровня развития теоретической мысли). С другой стороны, пробелы в эмпирическом познании действительности неизбежно отражаются и на уровне теоретических обобщений, заставляя даже самого добросовестного исследователя вносить в свою модель прошлого гипотетические звенья, цель которых — лишь уравновесить конструкцию и придать ей цельность и законченность. Долг следующих поколений ученых — по мере накопления эмпирических знаний заменять устаревшие звенья системы более точными, соответствующими современному уровню науки. Так было, например, с гипотезами кровнородственной семьи как стадии в развитии общества, семьи пуналуа как формы группового брака и некоторыми другими построениями Моргана, от которых советские исследователи первобытности отказались. По мере того как отдельные звенья системы, не соответствующие более сегодняшнему уровню науки, заменялись другими или отвергались, система лишь совершенствовалась, и уровень теоретического обобщения тем самым становился более высоким. Все еще имеющие место попытки заменять одни гипотетические, умозрительные

звенья системы другими, не менее гипотетическими и умозраительными, не способствуют развитию науки. То, что было когда-то следствием молодости науки, уже не находит оправдания сегодня. То, чего мы не можем поставить в вину нашим предшественникам, мы не имеем права прощать себе.

Традиция рассматривать современные отсталые общества в качестве живых представителей пройденных этапов общественного и культурного развития (или, по выражению Энгельса, в качестве «социальных ископаемых») восходит еще к IV—V вв. до н. э., когда Фукидид, сказавший, что варвары живут ныне так, как когда-то жили греки, заложил один из основных принципов сравнительно-исторического метода реконструкции прошлого. Принцип этот был развит в XVIII в. Ж. Лафито, автором книги «Обычай американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен», и Ж.-Ж. Руссо, создателем идеализированной картины «естественного состояния» человечества, а в XIX в. этнографами-эволюционистами и, наконец, Л. Морганом и Ф. Энгельсом. Этот методологический принцип, апеллирующий к единству общественно-исторического процесса, и лег в основу сравнительно-исторического, или историко-типологического, метода. Наряду с ним существовал и другой, тесно связанный с первым методологический прием, вошедший в науку под названием «метода пережитков». Основы его были заложены Э. Тэйлором и независимо от него русским историком и философом К. Д. Кавелиным.

Эволюционистам прошлого века было свойственно подходить к так называемым пережиткам как к явлениям, якобы совершенно утратившим свой реальный жизненный смысл и сохраняющимся в культуре и общественной жизни в виде обломков далекого прошлого, по которым зато нетрудно восстановить это прошлое. По словам Тэйлора, явления эти можно сравнить с рудиментарными органами у животных, подвергшимся регрессивному развитию, по не исчезнувшими полностью. Подобно тому как хвостовые позвонки, ушные мышцы, волосяной покров тела и другие рудиментарные органы человека служили для Дарвина и других биологов-эволюционистов доказательством животного происхождения человека, обряды и обычаи современных высококультурных народов были для этнографов-эволюционистов реликтами пройденных этапов социального и культурного развития. «Метод пережитков» нашел широкое применение и в советской этнографии.

Казалось бы, исследователям-марксистам ближе другой метод — рассмотрение всех без исключения явлений культуры и общественной жизни в связи не только с существовавшими в прошлом, но в первую очередь с существующими в настоящее время общественными отношениями и условиями, поиски их материальных и идеологических корней не только в прошлом, но и в настоящем. Ведь сам факт сохранения, более того — широкого распространения, какого-либо социального и культурного явления

указывает на то, что и в современной действительности продолжают существовать какие-то условия, способствующие его сохранению. Так, например, религиозные пережитки, о которых мы нередко читаем и слышим, вовсе не являются просто пережитками. Они существуют, они распространены не просто в силу традиции, привычки, а потому, что отвечают каким-то общественным потребностям и по-прежнему выполняют определенную общественную функцию. Их нельзя сравнивать с хвостовыми позвонками или ушными мышцами, которые никакой функциональной нагрузки в организме человека, видимо, уже не несут. Из многого, что было оставлено и забыто, явления, которые мы называем пережитками, были почему-то отобраны и сохранены. Рассматривать их только как пережитки пройденных этапов общественного развития — значит игнорировать вопрос о причинах их стойкости и их функциях в современную эпоху. Здесь не просто механическое заимствование, а процесс отбора и приспособления старых форм к новым общественным условиям. Многие обычаи и социальные институты, фигурирующие в этнографической литературе в качестве пережитков, вполне объяснимы отношениями и условиями, существующими в обществе и в настоящее время.

Культура современных народов — сложное напластование разновременных по своему происхождению явлений. Только научный анализ, состоящий в определении времени и условий возникновения каждого отдельного социального и культурного феномена, способен распутать этот сложный узел. К сожалению, все еще имеют место попытки, не руководствуясь объективными научными критериями, рассматривать явно разновременные по своему происхождению явления, зафиксированные у современных народов, находящиеся на самых различных уровнях общественного и культурного развития, как прямые свидетельства, например, эпохи первобытного стада, примером чего может служить книга Ю. И. Семенова «Как возникло человечество».¹ Автор книги вырывает обычаи, бытующие у современных народов, в том числе и таких, которые давно уже живут в классовом обществе, из их социального и культурного контекста, где они органически связаны с другими сторонами общественной жизни, и рассматривает их как пережитки, отражающие отношения, существовавшие, по его мнению, еще в первобытном стаде, у питекантропов, когда и человеческое общество, как правильно считает сам Ю. И. Семенов, еще не возникло. Невольно хочется спросить, можно ли считать такой прием (свойственный не одному Ю. И. Семенову) действительно научным методом.

В какой же мере данные этнографии, относящиеся преимущественно к XIX—XX вв., могут служить материалом для ре-

¹ М., 1966.

конструкции пройденных этапов общественного развития? Достоверна ли картина прошлого, опирающаяся на такие данные? Правы ли были этнографы-эволюционисты и их последователи, правы ли были основоположники марксизма, прибегая при построении обобщающей модели исторического процесса, начиная с древнейших эпох, в значительной мере к данным этнографии?

Признавая закономерный характер связей, существующих между экономическим базисом и социально-идеологической надстройкой, мы должны признать, что отношения в современных отсталых обществах, изучаемых этнографией, проливают свет на отношения, существовавшие и в доклассовых обществах прошлого. Так, например, австралийские аборигены (материалы по которым широко использовали Морган и Энгельс) помогают нам глубже понять, что представляло собой человеческое общество на грани палеолита и неолита, потому что экономический базис австралийского общества к началу европейской колонизации Австралии из всех пройденных более развитыми народами этапов развития был наиболее близок именно этой исторической эпохе. Такие сооставления, однако, нельзя делать механически, без учета конкретных исторических и географических условий. В этом и состоит главная трудность применения историко-типологического метода реконструкции прошлого. Использование этнографического материала в целях сравнительно-исторической реконструкции должно делаться с обязательным учетом изменений, которые произошли в культуре и общественных отношениях того или иного народа на протяжении тысячелетий под воздействием различных исторических обстоятельств, а также с учетом специфического воздействия географической среды. Вот почему одной из наиболее актуальных задач этнографии является изучение истории народов, которых в прошлом считали «педагогическими». В действительности «неисторических» народов, конечно, нет. Каждый народ, даже самый отсталый, прошел длительный путь исторического развития и внес свой вклад в сокровищницу мировой культуры — будь то в области искусства, не уступающего искусству европейского палеолита, пользующемуся заслуженной славой, или в сфере поразительного приспособления к суровым условиям природной среды. Все сказанное в равной мере относится к аборигенам Австралии, бушменам Африки, индейцам Южной Америки, народам Крайнего Севера и других частей света. Сегодня, когда отсталые еще недавно народы принимают все более активное участие в строительстве нового мира, свободного от социального неравенства, национального угнетения и расовых предрассудков, в созидании современной общечеловеческой культуры, изучение их исторического прошлого приобретает все большее значение. Наряду с научным оно имеет и важный социально-политический аспект, ибо это одна из форм восстановления социальной справедливости. Изучение истории отсталых в недавнем прошлом народов разворачивается на наших глазах, и

здесь большой вклад вносят этнографы. Ведь такова традиция, — изучая общества, отсталые в социально-экономическом отношении, этнография изучает их тотально, в сферу ее интересов всегда входили и входят общественные отношения и культура этих обществ во всей их полноте; этнография является по сути дела социологией и «культурологией» примитивных обществ. Но этнография — наука историческая; историзм — одна из главных ее методологических основ. И если марксистская этнография насквозь исторична, если изучение истории отсталых народов она воспринимает как свою естественную задачу, вытекающую из самого существа этой науки, для зарубежной этнографии с ее традициями функционализма и презентизма, с ограничением задач этнографии изучением социальных институтов и их функций в настоящем, с пренебрежительным отношением к исследованию истории «бесписьменных» народов эта задача является во многом новой. Теперь, однако, историзм все более проникает и в зарубежную этнографию — одним из примеров являются труды американских этноисториков.

Из сказанного следует, что формы социально-экономических отношений в первобытном и современном обществах сопоставимы лишь в самых основных чертах. В человеческом обществе отсутствует жесткий механический детерминизм. Здесь детерминированы лишь самые необходимые социальные связи, прежде всего производственные. Поэтому изменения в сфере общественного производства влекут за собой изменения всей общественной структуры. Но чем далее отстоит то или иное социальное или культурное явление от сферы производства как базиса общественной структуры, тем с меньшей уверенностью мы способны его предсказать. Мы можем с известной уверенностью предвидеть формы социальных отношений, функционально связанных с производством и находящихся в зависимости от уровня общественного развития, например характер общины — основного производственного коллектива первобытного общества, но не можем утверждать, что в данном обществе существует та или иная форма рода, например отцовский или материнский род, потому что функции рода не связаны так тесно с производством, как это имеет место в общине, и состоят главным образом в организации семейно-брачных отношений. Мы можем утверждать, что община является основной структурной единицей доземледельческого общества в любую эпоху и в любых условиях; и действительно, этнографы находят ее повсюду; и везде в ее составе, численности, относительной подвижности, характере половозрастного разделения труда проявляется известная закономерность, определяемая взаимодействием производства и естественной среды как условия производства. Поэтому, зная условия естественно-географической среды, мы можем примерно предсказать размеры и образ жизни охотничьей общины. Но чем выше, образно говоря, будем мы подниматься по социально-идеологиче-

ской надстройке, тем наши предположения будут иметь все более гипотетический характер. Не говоря уже о форме рода, мы не сможем даже утверждать, что в рассматриваемом обществе вообще имеется родовая организация; и действительно, этнографии известны общества охотников и собирателей, где родовая организация по разным причинам отсутствует и семейно-брачные отношения организованы иначе, нежели там, где она имеется.

Но с учетом особенностей, обусловленных воздействием исторических обстоятельств и естественно-географической среды на первобытные общества, с одной стороны, и на современные, но типологически родственные им общества — с другой, сопоставления между ними не только теоретически допустимы, но и необходимы, если мы стремимся выйти за пределы эмпирического рассмотрения конкретных общественных форм с целью больших теоретических обобщений и выяснения законов общественного развития.

Такая точка зрения находит все более широкое признание и за рубежом. Об этом свидетельствует коллективный труд под названием «Человек-охотник», основанный на материалах международного симпозиума с участием этнографов, археологов и антропологов.² Это одно из наиболее всесторонних исследований охотничье-собирательской стадии развития человечества. В нем наряду с такими проблемами, как связь охотничье-собирательской экономики с экологией, социальная и территориальная организация, демография и структура народонаселения в обществах современных охотников и в плейстоцене, развитие человеческого общества на доземледельческой стадии развития, большое внимание уделяется и проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии. Различные аспекты этой проблемы рассматриваются во многих статьях; отсюда видно, какую важность придают ей участники международного форума. Так, Дж. Бердсвелл, опираясь на данные по австралийцам, бушменам и другим народам, живущим в различных географических условиях, высказывает предположения о плотности населения в плейстоцене, о структуре и численности первобытных охотничье-собирательских коллективов.³ Теоретические и методологические аспекты применимости этнографических параллелей для археологических реконструкций рассматривают Л. Фримен, Л. и С. Блиффорд, Дж. Д. Кларк.⁴ Принципиальная возможность этно-археологических параллелей была подтверждена почти всеми участниками дискуссии; при этом, однако, каждый из них попытался очертить границы, в пределах которых такие операции допустимы. Ценность и плодотворность подобного подхода очевидна.

² Man the hunter. Eds. R. B. Lee and I. De Vore. Chicago, 1968.

³ Ibid., p. 229—240.

⁴ Ibid., p. 262—280.

Любое человеческое общество является формой конкретно-исторического существования определенной общественной формации. Формация и конкретное общество выступают как сущность и явление, как общее и отдельное, в котором и через которое общее только и может существовать. Подобно любым явлениям материального мира, общественные организмы обладают как общими, родовыми признаками, позволяющими их типологизировать, так и специфическими, индивидуальными. Вот почему любое индивидуальное современное общество представляет собой общество определенного типа, одно из многих однотипных обществ, иными словами — определенную общественную формацию. Следовательно, в современных обществах, изучаемых этнографией, представлено не только индивидуальное, особенное, но и общее, типическое, позволяющее сближать их с однотипными обществами далекого прошлого и выявлять путем сравнительно-генетического анализа общие закономерности социального развития.

Для реконструкции далекого дописьменного прошлого человеческого общества данных одной лишь археологии совершенно недостаточно, как недостаточно было бы, скажем, одного лишь скелета для понимания функционирования всего организма. Если палеонтолог представляет себе, как функционировал организм какого-либо ископаемого животного, каким было его строение, то лишь потому, что опирается на знание анатомии и физиологии живых организмов. Этнография наряду с социологией — наука, изучающая строение и функционирование живых социальных организмов. Только понятия и категории, выработанные этнографией, дают возможность интерпретировать археологические памятники, увидеть за неподвижными, мертвыми остатками материальной культуры, за случайно сохранившимися следами давно ушедшей жизни живое, функционирующее человеческое общество. Поэтому-то историки первобытного общества говорят на языке этнографии, оперируют понятиями, созданными этнографией, мыслят этнографическими категориями — такими, как первобытная или родовая община, род и племя, матриархат и патриархат, дуально-родовая организация, культ предков и т. д., хотя ни в одной стоянке первобытного человека или даже в целом археологическом комплексе не обнаружены ни род, ни племя, ни матриархат, ни само общество. Все эти понятия выработаны этнографией; они являются либо продуктами изучения живых, функционирующих обществ, либо теоретическими конструкциями, восполняющими недостаток эмпирических знаний с целью придания динамической модели первобытного общества законченности и цельности. И тем, кто читает общие труды по всеобщей истории и истории первобытного общества, политической экономии, историческому материализму, следует помнить, что многие концепции, относящиеся к истории первобытного общества, являются лишь теоретическими конструкциями, весьма

слабо, а иногда и совсем необоснованными фактическим материалом. И уязвимость наших теоретических концепций происходит теперь уже не от недостаточного развития фактологической базы этнографии, как это было в прошлом веке, а вследствие отставания теоретической мысли от неудержимо растущего фактического материала. Вот почему в истории первобытного общества все еще сохраняется спекулятивный, умозрительный способ реконструкции прошлого, либо совсем не опирающийся на факты, либо привлекающий их произвольно, для подкрепления готовой, априорной концепции.

Характерны в этом отношении некоторые работы Ю. И. Семенова. Теоретические положения его концепции первобытной социальности — что род на ранних этапах своего развития был формой организации общественного производства, что родовые отношения в то время полностью совпадали с производственными, что первоначальный брак имел дислокальный и дисэкономический характер⁵ — фактами не подтверждаются. Этнография не предлагает никаких убедительных аргументов в пользу этих построений. Ей неизвестны факты, когда бы производственные отношения полностью совпадали с родовыми, и доказательств существования таких отношений в прошлом нет. Редчайшие случаи дислокального брака относятся к сравнительно развитым обществам. У первобытных охотников и собирателей, где такие факты скорее должны были бы сохраниться, если бы они действительно существовали на ранних этапах родового строя, случаев дислокального брака не обнаружено, а в качестве основного производственного коллектива здесь выступает не род, а община, состоящая из представителей нескольких (двух или более) родов. В фактической собственности общины находится и земля как основное средство производства; собственность на землю рода, вопреки утверждению Семенова,⁶ в большинстве случаев номинальная. Именно община, а не семья, не род и не племя является основной и ведущей социально-экономической ячейкой первобытного общества. Таковы факты. А ведь, казалось бы, только анализ фактов может и должен служить научной базой теоретического обобщения.

Реконструируя социальные отношения и духовную культуру первобытности, археологи (если не говорить об исключениях, примеры которых будут приведены дальше) обычно просто накладывают готовую схему на факты археологии. Нужна большая независимость мысли, чтобы освободиться от гипноза готовых схем и понятий и взглянуть на факты свободно и непредвзято.

Большое значение для развития теоретической мысли в области изучения древнейшего прошлого человечества имеют ра-

⁵ Ю. И. Семенов. 1) О периодизации первобытной истории. СЭ, 1965, № 5, стр. 74—93; 2) Проблема начального этапа родового общества. ПИД, стр. 156—222.

⁶ Ю. И. Семенов. Проблема начального этапа..., стр. 222.

боты тех археологов, которых толкает на поиски новых путей и совершенствование традиционных концепций сам археологический материал, не укладывающийся в жесткое прокрустово ложе устаревших умозрительных представлений. Так, например, В. П. Любим, обобщая фактический материал по раннему палеолиту, пишет о том, что эти данные «противоречат укоренившимся представлениям о стадном образе жизни ашельского человека» и что люди в ту эпоху жили скорее всего «не стадами, а социально сплоченными коллективами — общинами».⁷ Исследования археологов заставляют отходить от традиционных, но явно устаревших взглядов, согласно которым, например, индивидуальная, малая, семья как общественная форма (не следует путать такую семью с моногамией) в эпоху позднего палеолита еще не существовала. Теперь становится все более очевидным, что общественные, в частности семейно-брачные, отношения в позднем палеолите едва ли существенно отличались от отношений, известных у современных охотников и собирателей, основными структурными общественными единицами которых являются община и индивидуальная семья как ее часть (часто не совсем точно такую семью называют парной). Семья у таких народов состоит из мужа, жены (или нескольких жен) и их детей, а иногда также других ближайших родственников; она относительно стабильна и самостоятельно выполняет некоторые хозяйственные функции. Основными социальными ячейками позднепалеолитического общества, вероятно, также были община и семья как часть общины. К такому выводу приводит анализ позднепалеолитических жилищ, раскопанных в Восточной и Центральной Европе. Для европейского позднего палеолита характерно круглое жилище диаметром 4—6 м, с очагом в центре. При вероятном допущении, что в одном таком жилище обитала индивидуальная семья, становится понятным и образование более длинных жилищ, предназначенных, видимо, для групп таких семей, много-семейных общин, многочисленные примеры которых дают нам этнографические материалы по охотникам и собирателям. Позднепалеолитические общины состояли из 5—10, реже 15—25 малых семей.⁸ Такие размеры палеолитических охотничьих общин в целом соответствуют размерам охотничье-собирательских общин XIX—XX вв., численность которых, как правило, связана с экологическими условиями и в зависимости от них испытывает иногда значительные колебания. То же самое, вероятно, происходило и в палеолите.

Археологи, приходящие к выводу о существовании в позднем палеолите индивидуальных семей и общин, состоящих из не-

⁷ В. П. Любим. Нижний палеолит. В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, стр. 40.

⁸ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968, стр. 154—155.

скольких таких семей, не уходят от интерпретации археологических памятников с помощью этнографии, но приводят теоретические обобщения, опирающиеся на данные археологии и этнографии, в более тесное соотношение с фактами. Другого способа адекватного научного познания далекого прошлого человеческого общества не существует.

Подведем итоги и спросим себя, какими же методологическими принципами следует руководствоваться, привлекая этнографические материалы как исторический источник. Прежде всего необходимо сделать все возможное, чтобы установить, действительно ли данное явление — лишь пережиток, и если это так, то пережиток какой именно эпохи в развитии общества. «Метод пережитков» должен быть именно научным методом, любое привлечение того или иного явления в качестве пережитка должно быть аргументированным. Во-вторых, пытаясь реконструировать прошлое по данным этнографии, следует привлекать материалы стадияльно близкие, т. е. относящиеся к народам, расположенным к реконструируемому нами социально-историческому типу на возможно более близком уровне общественного и культурного развития.

Только руководствуясь этими требованиями, мы сможем превратить историю первобытного общества из жанра научной фантастики, какой она нередко становится под пером талантиливых, но увлекающихся авторов, в подлинную науку, основанную на строго научных, объективных методах исследования.

Несоблюдение этих требований, которые представляют собой в сущности принципы построения истории первобытного общества по данным этнографии, — явление очень распространенное. О «методе пережитков» мы уже говорили; остановимся на привлечении в целях реконструкции социально-исторического процесса стадияльно равноценных этнографических материалов. Нельзя, например, характеризовать общество на стадии присваивающего хозяйства, доземледельческое, привлекая материалы по обществам, находящимся на стадии производящего хозяйства, аграрным, пережившим «неолитическую революцию». Нельзя, следовательно, характеризовать общество охотников и собирателей позднего палеолита и мезолита с помощью материалов, допустим, по земледельцам-проказам. Но привлечение с этой целью австралийских этнографических материалов методологически оправдано, разумеется, при обязательном учете исторического пути, пройденного австралийцами, и особенностей природно-географической среды, в которой они живут.

Иначе поступает Ю. И. Семенов. Доказывая былую универсальность, всеобщность «группового, дисэкономического и дислокального брака» как стадии социогенеза, он привлекает материалы по высоко развитым народам, многие из которых уже вступили на путь развития классовых отношений. Немногочисленные данные, относящиеся к охотникам и собирателям, стоя-

щим по уровню своего развития ближе к тому первоначальному состоянию, которое Семенов пытается реконструировать, тонут в массе этого материала.⁹ Спрашивается, почему же отношения, достигающие своего расцвета в высоко развитых обществах и только зарождающиеся в первобытных, являются пережитком того, что имело место, как считает Семенов, еще в более глубокой древности. Ведь, казалось бы, должно было быть наоборот — в первобытных обществах реконструируемые им явления должны были бы быть еще достаточно полно представлены, а в более развитых — клониться к упадку. Из этого видно, что Ю. И. Семенову чуждо одно из основных требований историко-типологического метода — опора прежде всего на стадийно-равноценные материалы, т. е. материалы по народам, стоящим на том же или возможно более близком уровне общественно-экономического и культурного развития. Той же осторожности и критического подхода требует и «метод пережитков».

Существуют две крайние точки зрения на рассматриваемую нами проблему. Эволюционисты прошлого века и некоторые их современные последователи почти безоговорочно соотносили и соотносят сохранившиеся до нашего времени архаичные культурно-исторические типы с пройденными этапами социально-исторического развития. Их противники отрицают ценность этнографических материалов для реконструкции прошлого и говорят, что по австралийцам и другим отсталым народам, изучаемым этнографией, нельзя судить о подлинной первобытности, поскольку они — наши современники и их общественные отношения и культура искажены воздействием колонизации или соседних высоко развитых обществ. Но прежде чем просто постулировать это, как чаще всего делается, необходимо тщательно исследовать, какие именно изменения произошли в общественном строе и культуре этих народов и под влиянием каких именно факторов — таково еще одно требование реконструкции прошлого с помощью этнографии, не менее важное, чем только что рассмотренные. Не следует ни безоговорочно интерполировать современные общественные структуры в прошлое, ни столь же необоснованно отрицать значимость этнографических фактов для реконструкции прошлого, что на практике порой превращается лишь в отрицание нежелательных фактов. По словам Гёте, между двумя крайними точками зрения находится не истина, как часто думают, а проблема.

Тенденция, отрицающая репрезентативность современных обществ для суждений о прошлом, связана с кризисом теоретической мысли в этнографии, объясняемым мощным потоком научной информации, не укладывающейся в прежние, привычные представления. Единственным правильным выходом из этого положения был бы пересмотр прежних теоретических концепций в свете современного научного материала, пересмотр с позиций

⁹ Ю. И. Семенов. Проблема начального этапа..., стр. 197—221.

основных, фундаментальных положений марксистской социологии. Отбрасывая этнографические материалы как основу для реконструкции социальных отношений прошлого, мы лишаем себя опоры на объективные, подлежащие научному анализу факты.

Только анализ социально-экономических отношений позволяет определить место того или иного конкретного общества на шкале общественно-исторического процесса и, определив, найти ему соответствующие исторические аналогии. Задача исследователя — попытаться понять внутренний механизм общества, выявить закономерные, причинные связи, определяющие его структуру. Если он руководствуется концепцией общественных формаций, для него очевидно, что анализ общественной структуры, раскрытие связей между экономическим базисом и другими ее элементами в современном обществе — путь к познанию отношений, существовавших в обществах подобного же типа любой эпохи. Потому что общество — не комбинация случайных элементов, а система, ведущая роль в которой принадлежит социально-экономическим институтам.

Вот почему изучение экономики первобытнообщинной формации — наименее исследованного раздела экономической истории — одна из актуальнейших задач современной этнографии. Роль экономического фактора в развитии первобытного общества — одна из важнейших проблем науки о первобытности, стоящая в центре происходящей сейчас дискуссии о месте и функциях социальных институтов первобытного общества. Без углубленного исследования экономического базиса первобытного общества изучение последнего не имеет перспектив. Многочисленные факты показывают, что средоточием социально-экономических отношений первобытного общества, ведущей его экономической ячейкой является община, а структура последней самым непосредственным образом связана с хозяйственным укладом и отражает всю совокупность присущих обществу производственных отношений. И сравнивая структуру первобытных общин, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития, мы убеждаемся, что даже в совершенно различных природных условиях она в основных чертах одинакова. Это было подтверждено, например, сравнением таких охотничье-собирательских обществ, как бушмены Южной Африки и эскимосы арктического побережья Северной Америки.¹⁰ Отсюда очевидно, что ни формы адаптации к природной среде, ни особенности материальной культуры, ни специфические приемы добывания средств существования (все это в рассматриваемых обществах различно),

¹⁰ A. Balicki. A comparative study on subsistence ecology and social systems: the !Kung Bushmen and Netsilik Eskimos. In: Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, v. III, Tokyo, 1968, p. 261—262; J. Tanaka. Social structure of the Bushmen. *Ibid.*, p. 295—296.

а именно экономика в целом определяет формы социальной организации первобытных общин.

Реконструкция прошлого на основе изучения живых, современных социальных организмов не означает чисто логической операции перенесения знаний об одной исторической эпохе на другую. Прием чисто внешнего, поверхностного уподобления археологических материалов уже известным этнографическим фактам нельзя назвать, конечно, научным методом. Последний предполагает исследование прежде всего экономического базиса сопоставляемых обществ. Как уже говорилось, такие общества должны быть стадially равноценны. Но и этого мало. Нужно помнить, что мы можем с известной уверенностью реконструировать лишь общие закономерности, определяющие структуру данного древнего общества, лишь тенденции его развития, но далеко не всегда — конкретные формы социальной организации. Почему это так, мы уже говорили.

Верно, что внутренний механизм обществ определенного типа всегда, в любую эпоху, строится на единых, свойственных только обществу данного типа закономерностях и раскрытие этого механизма в обществах современных необходимо и для понимания отношений, существовавших в обществах того же типа в прошлом. Но в то же время, очевидно, что проявление внутренних закономерностей в обществах одного и того же типа в силу тех или иных конкретных причин может быть различным. Экстраполировать в прошлое следует, как правило, не конкретные формы, явления, институты и т. д., которые даже в стадially равных обществах могут быть различными, а лишь общие закономерности социального развития. Вот почему реконструкция прошлого по данным этнографии предполагает прежде всего изучение закономерностей, определяющих функционирование и развитие современных социальных организмов.

Итак, совершенствование методов реконструкции прошлого по данным этнографии — одна из первоочередных ее задач, необходимое условие научного, методологически обоснованного, достоверного познания истории первобытного общества. Этнография — ключ к познанию прошлого человеческого общества, но лишь в руках, владеющих научным методом. Только на этом пути, сложном, требующем серьезной аналитической работы, этнография останется одной из основ науки о первобытном обществе, какой она и была для К. Маркса и Ф. Энгельса.